
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ЦЕЛИ — ПУТЬ В НИКУДА

*В настоящей колонке главного редактора мы обращаемся в определенном смысле к анализу и оценке «Манифеста нового русского критического реализма» («ПЗ», № 1, 2011)^{*} и материалам всероссийской и международной дискуссии по «Манифесту» («ПЗ», № 4, 2011). Как говорится, дело того стоит. Тем более, что и в течение наступившего года журнал продолжает публикацию всех вновь поступающих отзывов, замечаний, рекомендаций и предложений. А как *summa summarum*, планируется опубликование окончательного текста «Манифеста» — с учетом материалов дискуссии.*

Опережающе отвечаем на естественно возникающий вопрос: почему мы уделяем такое внимание названному документу? Не срабатывает ли здесь человечески объяснимый принцип: раз это наше, то за него и держимся?

Нет, причина здесь сугубо объективная. И не «наша вина», что мы первые и достаточно настойчиво поставили злободневный вопрос о превалирующем творческом методе в современной русской литературе.

...Не устаем повторять в данном контексте: русской не по национальности автора и описываемой им среды проявления характеров, но по следованию традиций великой русской литературы XIX — начала XX вв. и лучших же сторон советской литературы века минувшего.

Здесь же поясним: русская литература однозначно предполагает, что ее языком художественного воплощения является русский же литературный язык. Но наряду с таковой существует сугубо русскоязычная литература — зарубежная и/или вышедшая из-под пера авторов-россиян, не принадлежащих к титульной национальности. Является ли русскоязычная литература составной частью русской литературы?

На этот сакраментальный вопрос хорошо в свое время ответили своим творчеством малороссиянин Николай Васильевич Гоголь, потомок эфиопа Ганнибала Александр Сергеевич Пушкин, Лермонтов и Бальмонт, чьи предки были выходцами

---

^{*} Текст проекта «Манифеста» также был опубликован в 2011 году в красноярском журнале «Истоки», альманахе «НЛО» (г. Новомосковск), в ряде других литературных периодических изданий.

из Шотландии, поляк Осип Сенковский и многие, многие другие. Что уж тут говорить об интернациональной русской советской литературе, когда, говоря словами Поэта, «...и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык» в лице своих писателей стали составной частью русской литературы. К ним и само определение «русскоязычный» как-то неприменимо...

Вернемся к основной теме, но — опять же с некоторой, но многое поясняющей преамбулой.

Даже в наше вольнолюбивое, невзнузданное время почти каждый самодостаточный человек имеет определенную профессию: от первой и второй древнейших до проектирования и обслуживания высоких технологий (Извиняемся за вольность «штиля», но такова сегодняшняя реальность.) И всякий профессионал в чужой монастырь со своими мнениями и поучениями не лезет.

И только в трех отраслях человеческой деятельности всякий, имеющий хотя бы неполное среднее образование, полагает себя всеобъемлющим знатоком. Это практическая медицина, педагогика и экономика. Но поскольку, исключая практическую же бухгалтерию и счетоводство, экономика, как нечто абсолютно автономное, есть абсурдное понятие, а отраслю науки и практического приложения становится только в тесном переплетении с политикой, то речь идет именно о политэкономии. Вот в ней-то каждый «с семилеткой» и полагает себя знатоком.

И даже такой знаток интуитивно понимает: всякое политэкономическое движение имеет определенную для него цель. И поэтому все внушаемые ему «от СМИ» рассуждения, что рыночная экономика «сама себя вывезет», а государство всего лишь «ночной сторож» такой спасительной рыночной экономики,— представляются вовсе не знающему азов «макрэкономикс», но здраво мыслящему «от сохи» обывателю промыванием мозгов.

...Понятно, что наши выдающиеся экономисты (можно в кавычках, а можно и без них), наставляющие эти самые СМИ, все прекрасно знают. Знают, что сама по себе чисто рыночная экономика — бред сумасшедшего, что в традиционных капстранах рынок лишь выравнивает колебания не предельно жесткой плановой экономики, что была характерна для СССР, которой потому рынок вовсе и не требовался.

Все они, выдающиеся, прекрасно знают, но — выполняют социальный заказ за хорошую плату... А теперь к нашей теме.

Литература, литературный процесс в особенности, не относятся к области всезнайства. Но все одно, даже сугубо практичный в жизни человек, полагающий вполне искренне чтение книг баловством, дескать, «нам это ни к чему» (из «Тихого Дона»), не отрицает наличие у литературы своей цели.

Итак, литературный процесс — движение, имеющее свою

цель. Антитезой здесь является утверждение: движение — все, цель — ничто. Обычно в социально-политической сфере это утверждение приписывают Троцкому, но на самом деле эта формула задолго до него использовалась в классической немецкой философии. Но она же действительно являлась (и сейчас является!) девизом троцкизма, активно действующего и поныне. Сам же Лев Давидович, как опытный оратор, переиначивал ее на народный язык: «главное ввязаться в драку, а там видно будет» или «ни мира, ни войны, а армию распустить». И так далее.

...Но, отвергая движение без цели, как путь в никуда, мы должны определить механизм такого движения с целеполаганием. Проще говоря, должны иметь теорию, теоретическое обоснование такого движения. Опять же пример из политэкономии. Полную, всеобъемлющую теорию политэкономии капитализма создал Карл Маркс. Она и сейчас руководит мировым капитализмом-империализмом.

Но политэкономия социализма Маркс не успел, или не мог, не наблюдая практики этой формации, создать.— Только дал ее абрис, которого СССР хватало только на первых порах построения социально ориентированного государства. Уже в первые послевоенные годы стало ясно: отсутствие тщательно разработанной концепции политэкономии социализма стало определенным тормозом. Даже не определенным, а очень существенным. Потому лейтмотивом знаменитой дискуссии начала 50-х годов по проекту учебника политэкономии социализма стали слова Сталина: «Без теории нам никак нельзя».

Увы, по известным причинам эта задача осталась нерешенной. Нет сомнения в том, что отсутствие политэкономии социализма, как руководящей теории, вкупе с явно «подброшенной» в начале 70-х годов концепцией хозрасчета, внесло существенный вклад в проигрыш нашей страной Третьей мировой («холодной») войны, что было «последним и решительным боем» традиционной капиталистической формации перед ее заменой формацией глобализма. Дальше нам пока знать не дано.

...Так и в части литературного процесса, но заранее оговоримся: не замахиваясь на мировой ареал, ограничиваемся отечественной литературой.

В тексте проекта «Манифеста», достаточно подробно разъясняется предтеча формирования в конце XVIII — первой половине XIX вв. теории и — главное — практики русского критического реализма. В части оформления его теории, концептуальных положений, в первую очередь следует называть имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева (при всей его категоричности суждений) и многих других классиков русской публицистики и критики.

Но здание теории критического реализма строилось не

только «со стороны» демократов-шестидесятников XIX века. Значительный вклад здесь внес Аполлон Григорьев. Обычно в отечественном литературоведении созданную Аполлоном Александровичем теорию «органической критики» именуют эклектической, противопоставляя ее взглядам на теорию искусства революционных писателей-демократов. Однако же именно славянофил Григорьев во главу угла поставил реализм и дал четкое философское обоснование как концепции критического реализма, так и литературной критики — необходимого звена между теорией и практикой литературного творчества.

Таким образом, созданная на протяжении названного выше времени теория русского критического реализма во многом содействовала созданию феномена русской литературы XIX века. И в целом эта концепция исправно «работала» до окончания первой четверти XX века.

Однако уже в начале этой четверти отдельные положения теории критического реализма становятся если не артефактом, то тормозом для дальнейшего движения русского литературного процесса. Это проявилось двояко. С одной стороны, стала малоразмерной гоголевская «шинель» для таких писателей, как Горький, Леонид Андреев, Михаил Арцыбашев, Дмитрий Мережковский, Маяковский. Отрекся от всего им созданного Лев Толстой. Новое видение мира вещей, чувств и отношений явно сквозило в стихах блестящей плеяды поэтов «Серебряного века»...

С другой стороны, это прямой, часто неразумный, сиюминутный, но — все же протест против канонов критического реализма, выразившийся во взрыве различных «измов» в революционное межсезонье 1905—1917 годов.

Казалось, дни классического русского критического реализма на исходе. Поддержка пришла с совершенно неожиданной стороны — от быстро формирующейся советской русской литературы. Преодолев «чистку» комиссией Луначарского—Крупской и пролеткультовскую бесовщину, советская литература продлила почти до окончания XX века творческую ответственность традиционного русского критического реализма, лишь несколько переориентировав оси противостояния «добро — зло». Как и говорится в «Манифесте», соцреализм продолжил традиции XIX века в своих лучших образцах.

Было ли это продление искусственным, то есть театрализованным переодеванием между актами исторической пьесы из фрака писателя-дворянина и сюртука ревдемократа в телогрейку рабочего сталинских пятилеток, в шинель Гражданской и Отечественной войн, в непритязательную обыденную одежду физиков-лириков и писателей-шестидесятников (уже XX-го века)?

Нет, конечно. Ибо соцреализм по сравнению с традиционным критическим реализмом XIX — начала XX вв. получил не

только приставку-корень «соц», но и — впервые — четкую цель. В отличие от туманного «второго сна Веры Павловны», эта цель — участие литературы в построении социально ориентированного государства — стала сильнейшей апологией всего движения литературного процесса... и апологией обновленного русского критического реализма.

При этом, если в художественном содержании русской советской литературы 20 — начала 50-х гг. еще что-то намекало на применимость известного девиза «цель оправдывает средства» (Игнатий Лойола, первый генерал Ордена иезуитов), то в литературном процессе 60—80-х гг. самополагание цели уже обходилось без «кнута и пряника».

Как и во многих многофакторных, стохастических процессах, в литературном также вопрос о статусе поставленной цели при движении к ней ставится не как непереносимое ее достижение, а как бесконечное приближение. В точных науках это называется аттрактором. Более того, ставить вопрос о непереносимом достижении цели — это равнозначно доведению до абсолютного совершенства некоторой идеи. А из философии Гегеля хорошо помним, что всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд.

...Это мы все к тому говорим, чтобы избежать возможных возражений: дескать, цель в методе соцреализма была сомнительной, явно недостижимой, да к тому же с разрушением (не развалом!) СССР и вовсе превратилась в ничто — в зеро, абсолютный нуль. И так далее, в том же духе.

Что здесь можно сказать? — А повторить написанное выше: нам не дано знать все последующие ходы всемирной истории. Даже самые «крутые лбы», большеголовые по-западному, еще тридцать-сорок лет (а это для всемирной истории лишь краткий миг!) тому назад не могли предположить достоверно, что эта самая история выкинет такой фортель: социализм, как опередивший ход истории, упразднит, изживший себя капитализм утопит в мировых спекулятивных кризисах, а на их основах через жесткий глобализм начнет строить мировое, скорее всего социально ориентированное, государство.

...Как раз адекватная цель у соцреализма имела, и это целеполагание делало движение русского советского литературного процесса осмысленным, а значит творчески насыщенным и прогрессивным.

А вот нам довелось справлять тризну по классическому русскому — и советскому — критическому реализму. Впервые за более чем 200-летнюю историю русской классической литературы она вроде как осталась без видимой цели, даже без туманных снов Веры Павловны... Само появление «Манифеста» — это осознание весьма тревожного факта, а именно

---

* Иногда эти слова приписывают флорентийскому Николо Макиавелли, автору «Государя». Но это не соответствует истине.

того, что в последнюю четверть века движение русского литературного процесса если не застопорилось, то во всяком случае заплуталось. Какое же может быть целеполагание без цели? — Так и видится борода на ухмыляющемся лице Льва Давидовича...

Самое существенное, а может и знаковое, многозначительное — это полное отсутствие за этот же период даже робких попыток сформулировать новые цели движения русской литературы. Исключая выдвинутый в начале девяностых годов в восторге лихого первоначального накопления девиз полной и безоговорочной коммерциализации литературы. Но это для утешения дебилов, с одной стороны, и для доппайка запиаренных сочинителей, с другой.

...Вот смотрит невзыскательный читатель из тех, кто еще не отдал себя полностью торговле бананами, на пестроцветье магазинных книжных полок и неволью представляется ему этакая махновщина. Редкими переизданиями осторожно идут живые классики — шестидесятники. Слева от них, размахивая красными флагами, нервической молодой рысью движутся новые писатели — комсомольцы. Справа же, как им и положено, белогвардейским маршем движутся одетые в потешные мундиры городских казаков писатели-монархисты. Фанаты забегают то вперед, то назад. Внушительная группа литераторов, от греха подальше переключившихся на древнюю историю, полукаре замыкают общее шествие. Но всех их время от времени лихо обгоняют на «мерсах» удачливые пиарщики и глянцевого поденщики. На руководящих и гостевых трибунах этого суматошного Гуляй-поля их сретают священнослужители всех канонических религий и даже шаманы с Чукотки и восяси из-под Ижевска, оценивая и смотря политехнологи СМИ и партайвожди всех оттенков и цветов радуги на их стягах. Много и другого народу, не выпячиваясь, толпится на приветственных трибунах.

Абсурдно? — Но ведь движение без цели — это путь в никуда, что и есть абсурд по определению. Итог такого движения без цели, или с мельтешением мерцающих целей-фонариков,— уподобление библейским гадаринским свиньям...

Собственно говоря, «Манифест» в основном и посвящен, исключая его обширную историко-литературную преамбулу, пробному нащупыванию той цели, которая только и может придать новый импульс литературному процессу в рамках нового русского критического реализма. А тот факт, что современная отечественная словесность и русская литература в среднесрочной перспективе опять же по определению может сохранить свою самобытность и востребованность только в рамках метода критического реализма, настолько самоочевидны (см. «Манифест»), что не требует сколь-либо подробного

---

* Языческий жрец, то есть тот же шаман, у удмуртов.

растолковывания... или разжевывания для «особо одаренных».

Признаемся: в проекте «Манифеста» в разделе, касающемся определения цели движения современной русской литературы, само определение цели оказалось затенено терминологией, имеющей общесистемный эволюционный смысл: ноосфера, биосфера, человек ноосферный и пр. А из материалов дискуссии по проекту «Манифеста» — см. ссылку выше — выяснилось: последняя четверть века, учитывая полный развал науки и образования в России, в числе многих прочих свела к нулю и такой отечественный приоритет, как феномен века минувшего — великое учение В. И. Вернадского об изменении биогеохимической оболочки Земли и переходу биосферы в качество ноосферы, то есть сферы (оболочки) разума. А на Западе и вовсе прохладно относились к этой теории: ведь это не практика, не доллары-фунты-евро! Вот так наша планета и перешла на рубеже веков и тысячелетий в новое, ноосферное качество уже на практике, но при почти полном забвении теории.* Поэтому дадим ниже расширенное определение цели движения современного русского литературного процесса в рамках метода критического реализма, используя каноническую терминологию.

Целью (далее опускаем родительную поясняющую часть; см. окончание предыдущего абзаца) является продолжение и дальнейшее развитие, в определенном смысле совершенствование, традиций русского, в том числе советского, критического реализма в реальных условиях социальной, политической, экономической и морально-этической специфики глобализма, как принципиально новой общественно-экономической формации, активно и динамично приходящей на смену прежнему двухполярному миру — сочетанию исторически исчерпавшему себя капитализму и опередившему свое время (метод пробных ходов общесистемной эволюции) социализму с «демпфирующим» третьим миром.

Названная цель реализуется решением комплекса взаимосвязанных задач. Более или менее адекватная формулировка этих задач возможна лишь на среднесрочный период — ориентировочно до середины сороковых годов нашего века. Учитывая реально наблюдаемое экспоненциальное ускорение исторического времени, период этот может быть снижен до срока конца тридцатых годов века. Для следующего временного периода требуется корректировка как цели, так и реализующих ее задач. Задачи на ближний среднесрочный период имеют как

** Теория В. И. Вернадского изложена в многих изданиях его работ; см., например, книгу: Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера.— М.: Айрис-пресс, 2004.— 576 с. (Серия «Библиотека истории и культуры»). С учетом современного уровня знания концептуальная теория ноосферы изложена в 9-томной монографии А. А. Яшина «Живая материя и феноменология ноосферы» (М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007—2011). См. информацию на сайте изд-ва: <http://URSS.ru>.

общемировую, так и национальную, российскую специфику.

Для отечественной литературы — с учетом обеих специфик — эти задачи можно сформулировать следующими.

«Сатана там правит бал, люди гибнут за металл». Пусть, уважаемый читатель, эти слова прозвучат в вашей музыкальной памяти в арии Мефистофеля из «Фауста» Шарля Гуно. Это, как говорят современные музыковеды, гимн грядущему апокалипсису.

Отсюда и первая задача, даже — сверхзадача современного русского писателя-реалиста: протест против безудержной жадности накопительства и потребительства современного человека. Заметим, что это суть биологический атавизм для современного человека, но атавизм, вознесенный на «горный престол» духа и живота европейским протестантизмом Лютера, но более всего Кальвина. Настолько высоко вознесенным, что за всю новую и новейшую историю, включая нашу современность, реалистическая литература Запада, особенно США, даже в лучших своих образцах воспринимала это как должное. По сути же — антихристианское; вспомните притчу о верблюде и игольном ушке...

Русской литературе здесь почти что повезло. Во-первых, в русском каноническом православии не было никогда протестантизма. Раскол Никона — именно он де-юре был «раскольником», а не протопоп Аввакум с боярыней Морозовой — был всего лишь сугубой государственно-политической акцией, равно как и нежизнеспособные движения обновленцев и живогерковцев 20-х годов прошлого века на заре Советской власти. Это очень серьезный момент, ибо не были за всю тысячелетнюю историю страны нарушены каноны христианства — религии духа и презрения к мамоне.

Во-вторых, едва начавшаяся в России капитализация была резко остановлена Великой Октябрьской социалистической революцией — не «переворотом», как сейчас внушают слабоумные наши СМИ... То есть и с этой стороны на литературный процесс, как и в XIX, так и особенно в XX веках, не имелось давления частнособственнической морали и этики.

Наконец, наблюдаемое нами в России 1990—2000-х гг. взрывообразное возрождение и нагнетание этого биологического атавизма суть процесс искусственный, начатый и всемерно поощряемый госвластью. Но порожденное им, процессом, еще невиданное в мире классовое, имущественное (о духе и интеллекте здесь и речи идти не может) расслоение дает реалистическому литературному процессу огромные возможности для решения поставленной выше задачи. Учитывая, что сейчас основная «читательская нагрузка» оказалась на головах среднестарших поколений, которые суть наиболее образованы, являются средоточием интеллекта страны, сохраняя лучшие национальные черты и интуитивно будучи приверженцами этики и морали социально ориентированного характера.

Проще говоря: наследниками духа своих ближних и дальних пращуров.

*...Сатана тоже правит свой бал в части обездуховленности современного человека. Поэтому вторая по важности задача — противодействие этому опустошительному процессу, который в новейшей социологии называется расчеловеченьем. Словно эволюция *homo sapiens* пошла вспять.— Как на той известной карикатуре, где обезьяна постепенно распрямляется, превращаясь в человека, а далее уже человек, постепенно нагибаясь, вновь обретает черты нашего славного палеопредка... Здесь мы отсылаем нашего читателя к соответствующему разделу проекта «Манифеста», хотя наиболее зримые черты такого расчеловеченья у всех перед глазами; ушами тоже.*

...Не станем детализировать эти две главнейшие задачи и вытекающие из них. Это тема дальнейшего, более конкретного рассмотрения — в том числе и по преимуществу на страницах нашего журнала. Заметим только, что плодотворное движение современного русского литературного процесса к означенной цели есть занятие архитрудное, со многими препятствиями, долговременное. Но — это ведь составная часть движения самой истории. И как бы она ни ускорялась в соответствии с действенностью общественных законов эволюции человека, но все, как говорится, время покажет. Двигаться же без цели — прямиком шагать в никуда.

...Планируя продолжение начатой темы, в следующем номере «Приокских зорь», возможно в «Колонке главного редактора», обсудим злободневный вопрос о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литературы.

